

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

ИЮЛЬ

15

1944 г.

суббота

167 (164)

ЦЕНА 20 КОП.

Орган МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов депутатов трудящихся

Чехов и Художественный театр

На завесе Московского Художественного театра две детали чайки. Они плавно уносятся, когда раздвигается занавес. И эта эмблема тревожной птицы, летающей по просторам России, над зеркальной заводью тихих озер, отвечает тому курсу исканий, который взял МХАТ, обратившись к творчеству Чехова. Художественный театр, часто обращавшийся и к мировой литературе, связан прежде всего с русской классической литературой. Это театр, раскрывающий мировоззрение и думы своего народа.

Творчество Чехова продолжает ту же линию, которую нетрудно увидеть в таких писателях послереволюционного периода, как Тургенев, Гончаров, Гаршин, Тютчев, Л. Толстой, Достоевский. Это линия глубокой мысли, линия правды и простоты. И эти простота и правда облечены в форму тонкой поэзии.

Исходящий творчество Чехова не может не остановиться на особенностях его реализма. Его реализм содержит в себе острую наблюдательность художника, необыкновенно смелое и поэтическое ощущение природы, исключительное умение видеть детали.

Чехов показал жизнь современного ему русского общества как печальное, как смешное и трагическое. Чехов зовет биться с тем миром, с которым нельзя примириться, в котором задыхались и гибли «человеческие таланты». Равнодушие, неправда жизни заставили рыдать и терзаться студента Васильева, перенесшего тяжелый припадок. Он не мог спокойно отнестись к тому, как продают, покупают и убивают «живых женщин» в притоне, куда он зашел с приятелем. Любовь просвечивает сквозь ту объективную строгость, в которую неминуемо облекает Чехов свои произведения.

Чехов вскрыл в своих произведениях мировоззрение русской интеллигенции конца XIX и начала XX века. Земские и городские врачи, профессора, художники, писатели, ученые, садоводы, музыканты, учителя и учительницы, духовенство, помещики, студенты, земские деятели — вот наиболее типичные персонажи Чехова. Любви и с юмором в круг своих персонажей включает он чиновников, актеров, коридорных, лакеев, почтарей, швейцаров. Пестрой вереницей проходят обитатели отхожих и захолустья. Особое место в его творчестве занимает изумительно им воссозданная природа. Буль то одинокий зеленый тополь в степи, или равнодушный, глухой шум моря, или красный, холодный глинистый берег сибирской угрюмой ворчащей реки, — всюду Чехов связывает природу и человека в единое целое.

Пошлость была лютым врагом Чехова, и он боролся с ней всю жизнь. Андрей в «Трех сестрах» Чехова, «охваченный нежным чувством», сквозь слезы говорит своим сестрам: «Милые мои сестры, чудные мои сестры! Маша, сестра моя, а в это время растворится окно и выглядывает из него пошлость, выглядывает Наташа, его жена, и кричит: «Кто здесь разговаривает так громко»...

В высказываниях К. С. Станиславского, напечатанных в его книге «Моя жизнь в искусстве», и в письмах Вл. И. Немировича-Данченко к А. П. Чехову вскрывается сущность отношения Художественного театра к поэзии и бытоизображению Чехова.

Станиславский пишет:

«Я не берусь описывать спектакли чеховских пьес, так как это невозможно. Их прелесть в том, что не передается словами, а скрыто под ними или в паузах, или во взглядах актеров, в изучении их внутреннего чувства».

Чехов неисчерпаем, потому что, несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит все же, в своем основном, духовном лейт-мотиве, не о случайном, не о частном, а о «Человеческом», с большой буквы».

«Ошибаются те, кто вообще в пьесах Чехова старается играть, представлять. В его пьесах надо быть, т. е. жить, суще-

ствовать, иля по глубоко заложенной вундти главной душевной артерии».

Такого же мнения о драматургии Чехова и Вл. И. Немирович-Данченко. Они — создатели в Художественном театре особого стиля исполнения особого подхода в театре к творчеству Чехова.

Сценические приемы передачи поэзии и глубины мысли чеховских произведений открыли оба основателя и режиссера Художественного театра впервые в постановке «Чайки» и «Дяди Вани». Но особенно ярко это сказалось в обоих вариантах постановки «Трех сестер». Первый раз «Три сестры» были поставлены в 1901 г., а во второй раз — в 1940 г.

Немирович-Данченко доказал, что сценическое действие раскрывается в зависимости от того, насколько крепко живет у актеров понимание сценического образа. Верное поведение актеров тогда соответствует чеховским мыслям, чувствам и желаниям и тогда доходит до зрительного зала, если они живут как бы «вторым планом». Второй план, по его теории, есть основа происходящего с чеховскими людьми. По первому плану протекает ряд поступков, которые определяются сюжетом и текстом одновременно, по второму плану каждый, действуя, не произносит того, чем живет глубоко.

Спектакль 1940 г. зазвучал на сцене МХАТа по-новому. Новые исполнители, воспитанные Художественным театром на протяжении 15—20—25 лет, играли в этом плане и в «Анне Карениной» Л. Толстого, и в «Любови Яровой» Тренева. Они этим методом великолепно восприняли указания режиссуры и были не «представляющими», а живущими правдой своего актерского, человеческого существа, поэтическими образами в чеховской манере, образами, которые полны тонкости и аромата, выхваченными из самой жизни.

Система Художественного театра — система растущего, развивающегося актера. Художественный театр в новых «Трех сестрах» сделал шаг вперед в своем искусстве, он стал глубже, тоньше, но вместе с тем и мужественнее и проще, к чему привела его революция и новая жизнь советской эпохи. Новые «Три сестры» окончательно порвали в области оформления с чертами натурализма, которые все же чувствовались в первом варианте.

В «Иванове» и в «Вишневом саду» Художественный театр добился того, что на сцене проходили живые люди, что зрительный зал не смотрел на происходящее на сцене, как на представление, а как на кусок жизни.

Вл. И. Немирович-Данченко еще в 1893 г. писал Чехову, приступая к работе над «Чайкой»: «Тебя надо показать так, как может показать только литератор со вкусом, умеющий понять изгибы твоих произведений и в то же время сам умелый режиссер. Таковым я считаю себя. Я задался целью указать на дивные, по-моему, изображения жизни и человеческой души в произведениях «Иванов» и «Чайка». Последние особенно захватывают меня, и я готов ответить чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы при умелой, небанальной, чрезвычайно добросовестной постановке захватят и зрительный зал».

Давно уже стало общезвестной истиной, что «Три сестры» и «Вишневый сад» пророчески заключают в себе предчувствие грядущей революции, новой эпохи русской жизни. Драма «Три сестры» написана Чеховым в 1900 г. В первом акте Вершинин говорит: «Через двести—триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждть, мечтать, готовиться к ней; он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец».

Художественный театр в ряде своих спектаклей показал замечательную галерею правдивых образов русских людей, образов, созданных Чеховым.

Вас. САХНОВСКИЙ.